

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

МАЙОРЪ.

Стихотвореніе П. А. Ѳедотова.

1849.

Въ „Русской Старинѣ“ (изд. 1872 г., т. V, стр. 727—757) напечатана нѣкогда весьма распространенная въ русскомъ обществѣ поэтическая шутка знаменитаго художника и писателя Ѳедотова: „Майоръ“. Напечатали мы ее по нѣсколькимъ спискамъ, но тогда же заявили, что въ нихъ есть нѣкоторые пропуски. Вслѣдъ затѣмъ нѣсколько лицъ изъ почтенныхъ нашихъ сотрудниковъ и читателей сообщили поправки, дополненія и варианты къ „Майору“, а именно: Н. В. Бергъ, И. Ѳ. Горбуновъ, Г. А. Думшинъ, П. А. Ефремовъ и г. Ибердусовъ.

„.... Прочитавши „Майора“ въ 5-й кн. „Рус. Стар.“, пишу къ намъ извѣстный артистъ И. Ѳ. Горбуновъ: я, къ сожалѣнію, не нашелъ многихъ стиховъ, которые читалъ въ подлинной рукописи покойнаго художника. Въ началѣ пятидесятихъ годовъ, когда была въ Москвѣ выставка картинъ Ѳедотова, о поэмѣ его „Майоръ“ много говорили. Какъ-то разъ вечеромъ я пришелъ къ своему наставнику, нынѣ извѣстному и талантливому писателю Н. В. Бергу и засталъ у него двухъ-трехъ друзей, которымъ онъ читалъ „Майора“ по подлинной рукописи Ѳедотова. Я попросилъ позволенія списать эту шутку-поэму, и списалъ два экземпляра: одинъ для себя, а другой для Н. В. Берга. Мой экземпляръ остался у меня только въ памяти, а у Н. В., вѣроятно, онъ дѣлъ въ рукописи....“

Пользуясь указаніемъ И. Ѳ. Горбунова, сообщившаго съ своей стороны нѣкоторыя дополненія къ „Майору“, мы обратились къ Н. В. Бергу, который отозвался слѣдующимъ письмомъ:

„У меня, дѣйствительно, былъ очень вѣрный списокъ „Женитьба

Майора“ — Федотова, гдѣ было внесено, съ его собственныхъ словъ, все то, что онъ, читая считалъ почему-то нужнымъ пропускать. Помню, что мнѣ стоило большихъ хлопотъ упробить его прочесть мнѣ нѣсколько разъ эти пропускаемые отрывки. Онъ все чего-то боялся. Такое было время. Но гдѣ этотъ списокъ — не знаю... Кажется, еще что-то есть Федотовское. По крайней мѣрѣ помню, что онъ намъ читывалъ еще исторію какого-то „Тито“, читалъ свои басни и пѣлъ пѣсню „объ егеряхъ“.....“

Въ библиотекѣ П. А. Ефремова нашлось заграничное изданіе „Майора“¹⁾, а г. Думшинъ доставилъ намъ очень хорошій списокъ этого стихотворенія. Такимъ образомъ мы возстановляемъ пропуски нашего изданія и приводимъ болѣе существенные варианты.

Авторъ, какъ извѣстно, начинаетъ свое предисловіе извиненіемъ предъ читателемъ, что онъ не цеховой писатель и потому просить снисхожденія.

(Еъ стр. 734, строка 15 сверху):

Меня судьба, отецъ, да мать
 Назначили маршировать,
 Ходить въ парады, на ученя,
 Или подъ часъ въ кровавый бой
 За славой, честью на убой.
 Но какъ отъ русскаго штыка
 Дыра довольно глубока,
 Враги всѣ наши присмирѣли;
 Ругая насъ издалика,
 Тревожить явно ужъ не смѣли,
 То я спокойно десять лѣтъ
 Безъ пуль, картечъ и разныхъ бѣдъ,
 Возмися съ службой гарнизонной;
 Вотъ доводъ, кажется, резонный
 Что не могу я быть поэтъ....

(см. далѣе въ «Рус. Стар.», стр. 734).

Разсказавъ далѣе о всѣхъ тревогахъ полевоы жизни, поэтъ говорить:

(къ стр. 735-й, строка 5-я)

Нѣтъ, некогда мечтать у насъ!
 Солдатъ весь вѣкъ, какъ подъ обухомъ,
 Тревоги жди пугливымъ ухомъ,
 Поэты-жъ всѣ любятъ покой,
 А ужъ у насъ покой какой!

(см. далѣе въ «Рус. Стар.» стр. 735).

¹⁾ «Поправка обстоятельствъ или женитьба майора». Изданіе Юрія Приваловскаго. Лейпцигъ, 1857 г., въ малую 8 д., 38 стр.

Не красива жизнь офицеровъ, женившихся на бѣдныхъ:

(къ стр. 736-й, строка 14-я снизу)

Вѣкъ съ плачемъ объ пустой сумѣ,
Съ роптаньемъ и сказать ужасно:
На добродѣтель ропщутъ гласно!

(См. далѣе въ «Рус. Стар.», стр. 736-я).

Не отрадное дѣло бракъ по любви, да безъ денегъ—это ядъ,
тѣмъ болѣе опасный—разсуждаетъ майоръ:

(къ стр. 737-й, строка 3-я сверху)

Что онъ на вкусъ такой прекрасный!
Лизнешь—не хочется отстать,
Коварна брачная кровать!
А полюбить, да не жениться,
Такъ право лучше утопиться,
Да и топилися не разъ,
Вѣдь есть же Лизинъ прудъ у насъ ¹⁾.
Когда-же съ жизнью жаль разстаться,
Душой и тѣломъ вѣкъ больной
Ты будешь по-свѣту шататься
Вездѣ разсѣянный, шальной,
И стало быть всегда смѣшной,
Ну вотъ влюбленныхъ перспектива!
Нѣтъ, эта дѣль не такъ красива,
Чтобы любовь боготворить,
Намъ съ нею каши не сварить.

Теперь мы примемся за славу,
Необходимую приправу
Поэзии. Но слава пиръ
Даетъ война, а тутъ былъ миръ.
Съ трубою, съ крыльями кумиръ
Не принимаетъ приношенья
Отъ тѣхъ, кто знаетъ лишь ученья,
Парады, лагерь, караулъ;
Кровавый любить онъ разгулъ.
Поэзію онъ въ уши трубитъ
Лишь тѣмъ, кто больше губить, рубить,
Кто кровь людскую льетъ рѣкой.
Я-жъ десять лѣтъ моей рукой
Махалъ на вольномъ только шагѣ,
Другой ей не было отваги.

¹⁾ Извѣстный прудъ, подъ Москвой, у Спмонова монастыря; въ немъ Карамзинъ утопилъ героиню извѣстной своей повѣсти: «Бѣдная Лиза». Къ этому же пруду сдѣлана слѣдующая «надпись»:

Здѣсь утопилась Лиза, Эрастова невѣста.

Топитесь дѣвушки, для всѣхъ достанетъ мѣста.

И мой смиренный, кроткій мечъ
 Не зналъ кровавыхъ, грозныхъ сѣчь;
 Тупой родясь, умереть не точенъ,
 Въ крови предъ славой непороченъ,
 Служилъ онъ мнѣ лишь какъ косарь
 Щепать лучины подъ алтарь.
 А груди тѣлѣ, а крови рѣки
 Принести ей въ даръ — знать въ томъ ужъ вѣкъ;
 Ошибкой родился мой мечъ!
 И такъ о славѣ кончимъ рѣчь!

Ну вотъ и все, чѣмъ стихъ поэта
 Пытался отъ начала свѣта.
 Еще пересчитаемъ вновь:
 Природа, слава и любовь.
 Иное нѣчто кровь мутило,
 Да не до рифмъ тогда намъ было,
 Мутило съ желчью пополамъ;
 Иное-жъ вовсе чуждо намъ.
 На чемъ-же тутъ душѣ развиться?
 Воображенью порѣзвиться?
 Пускай разсудитъ цѣлый свѣтъ—
 Поэзия тутъ нищи нѣтъ!
 Гдѣ-жъ было мнѣ практиковаться
 И чистоты въ стихахъ набраться
 Такой, чтобъ критикъ злой иной
 Не отыскалъ стишковъ большой.
 Не придирайтесь, Бога ради,
 Пока стихи еще въ тетради,
 Пока не сжались подъ станокъ;
 Я самъ къ печатнымъ очень строгъ.
 Въ печать не гѣзу—знакъ смиренья,
 Не правда-ль? стѣбитъ снисхожденья:
 И потому: мое почтенье ¹⁾!

А вотъ какъ разсуждаетъ майоръ о приближеніи командира на
 смотру:

(къ стр. 739-я, строка 10-я)

На смотре, глядишь, бѣда!...
 Чуть начальникъ впереди
 Поважись, стѣснить въ груди
 И какъ глазами уколеть,
 Весь вздрогнешь, по тѣлу холодеъ
 И мурашки пробѣгутъ;

¹⁾ Въмѣсто послѣднихъ двадцати трехъ стиховъ, въ «Рус. Ст.» (стр. 737—738) приведено девяносто строкъ по другимъ спискамъ; очевидно, что Федотовъ много передѣлывалъ, и то дополнял, то значительно совращалъ свое произведение.

Зубы дробь во рту забьютъ
 Какъ въ каретѣ стекла; волосъ
 Станетъ дыбомъ, рвется голосъ.
 И какъ туча змѣй, ужей
 Такъ ж-ж-ж—мимо ушей
 Слышишь, въ голову несется
 Кровь, весь черепъ разорѣтся,
 Звонъ глухой гудитъ въ ушахъ,
 Звѣзды бѣгаютъ въ глазахъ;
 Поле будто все вкружится!...
 И изволь тутъ отличиться.
 Пить для храбрости! и пить,
 Да лишь вдвое накутилъ!
 Позапрошлый годъ стояли и проч.

(«Рус. Ст.» стр. 739-я).

Разказавъ, какъ на смотру, при движеніи, каре его разошлось въ стороны, потому что онъ забылъ назначить фась, Майоръ продолжаетъ:

(къ стр. 739, строка 16 снизу)

Какъ тогда досталось мнѣ!
 Какъ тогда со всѣхъ сторонъ
 Какъ на пададь тьма воронъ,
 На меня поналетѣли
 Командиры. Ыли, Ыли!
 Какъ душа осталась въ тѣлѣ.
 А начальники у насъ,
 Какъ расходатся подчасъ,
 Матер..... такъ и хлещутъ.
 А иные этимъ блещутъ.
 Прошлый годъ, судьбѣ на зло,
 Мнѣ какъ будто повезло.
 На смотру и въ построеньяхъ
 Лучше шло, чѣмъ на ученьяхъ...

(См. далѣе на 739 стр.).

На одномъ изъ этихъ смотровъ Майоръ размечтался во время церемоніальнаго марша:

(къ стр. 740, строка 24)

Радъ и страшно: сердце бьется,
 Что, какъ вдругъ съ ноги собьется
 Батальонъ мой..... Никогда!
 Нѣтъ! взошла моя звѣзда!...
 Но! и вдругъ мечта остыла
 Точно громомъ поразила,
 Точно съ неба слышу.... «стой!»....
 Барабановъ стихнулъ бой....

(См. далѣе по 740 стр.).

Говоря о возможности выдти въ отставку и перебирая, куда бы поступить на тепленькое мѣсто, Майоръ разсуждаетъ, что при опредѣленіи въ комиссаріатъ или провіантское вѣдомство:

(къ стр. 743, строка 10-я снизу)

Чисто-на-чисто деруть,
Начиная съ самой справки.
Ты придешь, какъ точно въ лавки:
Тамъ на все ужъ такса есть,
И не стѣбитъ мало несть:
Единичными рублями
Тамъ съ простыми писарями
Не поладишь; нѣтъ на чай
То-жъ полсотенки подай.
Вотъ тогда онъ правду скажетъ
И ваканціи покажетъ,
И научитъ какъ, кому,
Сколько положить въ суму.
Да и въ руки-ль самому;
Можетъ гдѣ важнѣй супруга,
Иль секретная подруга,
Чтобъ и къ нимъ съ поклономъ несть,
А и къ нимъ лавейки есть.
Вѣдь съ бумагами, а, чай,
Неровенъ всегда случай,
Часто въ ночь.... тай дай ему,
Умный писарь членъ въ дому.
Онъ и тамъ смеяветъ дѣлинкомъ,
Гдѣ, хоть рѣдко это слышномъ,
Что начальникъ правовѣдъ,
Иль студентъ задорныхъ лѣтъ,
Щекотливъ вдругъ до дохода;
Вѣдь въ семьѣ не безъ урода:
Ихъ глушцами и зовутъ.
Ну, такъ писарь вѣрно тутъ.
Какъ всегда на шагъ отъ шлюхи,
Знаетъ хоть когда онъ въ духѣ;
Что-жъ? и это вѣрный ключъ;
Громъ гремитъ не все изъ тучъ,
Часто изъ навозныхъ кучъ.

Такъ писаря,

Откровенно говоря,

Даромъ, что-ли прижимаютъ?
Нѣтъ, себѣ, чай, дѣлу знаютъ:
Съ виду мошки; а министръ,
Какъ ни будь умомъ онъ быстръ
И глубокъ на донесенье,
Иль секретное рѣшенье,
Писеть самъ-ли?... Писаря.

Четко должно для царя.
 А министру до того-ли?
 У великихъ всѣхъ людей
 Быстро бьеть фонтанъ идей.
 Въ слѣхъ брижжешь по неволѣ,
 Да наставишь лишь крючковъ,
 Почеркъ гения таковъ.
 А иной-бы радъ стараться
 Да спасуетъ..... и признаться
 Поглядишь: барчата всѣ
 Бойко мелятъ по франсе;
 А взгляни въ чистописанье?
 «Кантонистовъ что-ли нѣтъ?
 «Это низко нашимъ чадамъ!»
 Русской умъ нашъ крѣпокъ задомъ.
 А вотъ тутъ съ писцомъ секретъ
 Государственный и важный
 Раздѣли..... Хоть не продажный
 Этотъ писарь кажетъ быть,
 Да мадерцы какъ не пить?
 Часто нехотя напьешься;
 А напьешься—и проврешься,
 И что чтѣтся за секретъ,
 Глядь, обходить ужъ весь свѣтъ.
 И шути тутъ съ писарями!
 Еще милостивы съ нами.
 Много-ль есть учителей,
 Чтобы смыслъ науки всей
 Сокъ въ ученѣи столь глубокомъ,
 Какъ достать мѣстечко съ сокомъ,
 Передалъ однимъ урокомъ,
 И полсотни-бъ только взять?!
 Безкорыстыя идеалъ!
 Право сотню дамъ охотно.

Вотъ, купивъ себѣ маршрутъ,
 И карманъ набивши плотно
 Отправляйся выше: тутъ.—
 Тутъ ужъ тысячи берутъ...
 (См. далѣе на стр. 744, строка 5 сверху).

Переходи къ разсужденіямъ о женитбѣ и притомъ на дочкѣ богатого купца, Майоръ вспоминаетъ разсужденія одного торговца о томъ, за кого выгоднѣе отдать дочь:

(къ стр. 755-й, строка 1-я сверху)

Выдать за купца не худо,
 Да, не худо, какъ куда
 Хорошо дѣла идутъ;

Но бѣда подчасъ и тутъ:
 Сколько въ руки ни попалю
 Денегъ, кажется, все мало,
 Какъ-бы ихъ учетверить,
 Въ оборотъ рискнуть пустить,
 Да съ казной въ подрядъ вступить,
 Думая: какъ-бы слупить.
 А глядишь, въ капканъ попалъ:
 Поминай свой капиталъ,
 До ковша въ дому опишутъ,
 Да въ мѣщане и припишутъ;
 Мѣщанинъ-же, что холопъ,
 Чуть наборъ — забрѣютъ любь.
 Зять — солдатъ, а дочь — солдатка,
 Нѣтъ, для бабушки — не сладко.
 Я — умри, умри — жена,
 Дочь пропавшая, она
 Иль на мѣстѣ оставайся
 Вѣкъ замужню вдовой,
 Иль цыганкой вѣкъ шатайся,
 Иль..... вотъ подчасъ
 Что случается у насъ.
 У купцовъ отъ оборотовъ
 Долго-ль дѣло до банкротовъ;
 А коль чуть остерегись,
 Такъ бѣда отъ патриотовъ,
 Только и звенить въ ушахъ:
 <Что торговля-де въ рукахъ
 Наша — вся у иноземцевъ,
 Англичанъ, французовъ, нѣмцевъ,
 А что наши-де булцы
 Просто неучи, глупцы>.

Вотъ какъ хочешь и вертись,
 Впрочемъ, если попадися
 Зять почетный гражданинъ.....
 А! тутъ не кафтанъ одинъ
 Шитый, тутъ ужъ есть и льготы,
 Впрочемъ, все-же обороты.
 То ли дѣло дворянинъ.....
 По уму хоть будь негоденъ,
 Все себѣ онъ господинъ:
 Хочетъ — спать, а хочетъ — служить,
 И объ дѣлушкахъ не тужить:
 Хочетъ — воспитаетъ самъ,
 Нѣтъ? — отдастъ по корпусамъ.
 И того нѣтъ? — все барчата,
 Не посмѣютъ взять въ солдаты.

Но коль выше забирать,
 О! такъ надобно, чтобъ зять
 Непремѣнно былъ военный;
 Этотъ санъ самый почтенный:
 Ни фальшивыхъ нѣтъ вѣсовъ,
 Тутъ ни взятковъ, ни крючковыхъ,
 Что въ другихъ такъ ненавистно.
 Тутъ все чисто, безкорыстно;
 Оттого-то, какъ магнитъ,
 Такъ мундиръ къ себѣ манитъ —
 Всѣхъ, кто только чистъ душой
 И невинной чистотой —
 Дѣти: дай имъ барабанъ,
 Дай гусарской доломанъ,
 Саблю, знамя и въ предметѣ —
 У дѣвицъ въ семнадцать лѣтъ,
 Хоть въ глуши живеть, хоть въ свѣтѣ,
 Всюду, вѣчно эполетъ,
 Шпоры, усики, колетъ.
 Да и всѣ, явись въ мундирѣ,
 Всѣ дають дорогу шире.
 Да еще-бы? Кто-же насъ
 И спасаетъ въ грозный часъ?
 Шутка, право, не легка вѣдь —
 Лобъ и грудь свою подставить,
 Чтобъ другой тѣмъ былъ прикрытъ,
 И за все лишь — полусытъ!
 Но неволѣ уваженье
 Къ нимъ питаешь и почтенье.
 Только нѣмцы на Руси.....
 Боже! насъ отъ нихъ спаси!
 То-есть тѣ, что здѣсь торгуютъ,
 Про мундиръ всегда толкуютъ:
 Что не стодитъ ни гроша,
 Видишь — нѣтъ въ немъ барыша.
 Говорятъ вишь: «Гольденъ трессенъ,
 Аберъ только нихтъ цу фрессенъ».
 Съ жиру бѣсятъ они;
 А на совѣсть загляни.....
 Чѣмъ все держитъ? Штыкъ россійской.
 Что-же? Прусской или австрійской,
 Или швабской ихъ какой?
 Въ свѣтѣ водворитъ покой!
 Чтобъ свободно торговали
 Да покойно поживали?
 Э! да что и говорить,
 Только бисеръ лишь сорить.
 Бросивъ родину святую
 И на вѣкъ въ страну чужую

За однимъ лишь барышомъ
 Кто бѣжать,—что толку въ немъ?
 Ужъ плохіе эти братья,
 Ихъ Іудины объята.
 Деньги бары къ нимъ везутъ,
 Деньги сами тутъ сосутъ,
 И живутъ какъ бары, пышно.
 Въ благодарность только слышно
 Все мерещится имъ енуть,
 А народъ зовутъ — рабами —
 И безчестными плутами.

Честенъ нѣмецъ въ мелочахъ;
 Только царство ихъ въ бѣдахъ:
 Вѣкъ Россія выручала.
 Что-жь? Своихъ сыновъ что-ль мало
 У отечество славныхъ ихъ?
 Нѣтъ! не мало, коль отъ нихъ
 Намъ и дома даже тѣсно.
 Для чего-жь имъ — неизвестно
 Плутовская наша честь
 Рабская, все въ жертву несть,
 Чтобъ спасти страну родную?!

Съ честью ихъ, забравши сбрую:
 Деньги, трубку и кисеть,
 Всякой тамъ бѣжать отъ бѣды,
 Чтобы какъ въ тревогѣ шумной
 Свой титулъ: «благоразумный»,
 Разорясь не запятнать;
 Чтобъ у насъ имъ щеголять.
 Чести онъ у нихъ замѣна,
 Ни по чемъ у нихъ измѣна.

Такъ отъ нихъ нельзя и ждать,
 Чтобы должное водять
 Безкорыстной чести ратныхъ.
 Это чуждо душъ развратныхъ.
 Словомъ, что кормить ни ври —
 А посмотришь: всѣ цари,
 И у насъ, и въ цѣломъ мірѣ
 Отчего всегда въ мундирѣ?!
 Знать въ мундирѣ что-то есть,
 Что ему такая честь!»
 Такъ судилъ купецъ разумный,
 А мнѣ кажется Кульковъ,
 По числу другихъ мѣшековъ,
 Также, чай, не полоумный,
 Онъ, чай, также судить самъ,
 А чего-жь и нужно намъ?

Обращаясь къ тѣмъ слухамъ, которые распустилъ про дочь Кулькова—Куровонова, Майоръ отзывается о немъ такъ:

(къ стр. 755, къ строку 24-й сверху)

Подпоручикъ; охъ! я-бъ его!
А вѣдь тоже изъ бурбоновъ.
У него вѣдь ничего
Нѣтъ святого! Хвастушка....

(См. на 755 стр.).

и далѣе:

(тамъ-же, къ строку 16 снизу)

По верхамъ глядитъ. О! Я-бы
Вышкочилъ его, когда-бы
Въ мой попался батальонъ,
Надежурился-бы онъ.
Сокомъ-бы бурбонъ достался,
Ни къ чему-бы придирался.
Младшаго легко прижать
И всегда остаться праву:
Въ каждомъ что-нибудь сыскать
Можно, что не по уставу,
Ну, хоть пуговица будь
На бокъ нумеромъ чуть-чуть,
И довольно. Сбилъ-бы съ тона.
Я-бы далъ ему бурбона:
Дурь-бы въ немъ поунялась...

(См. далѣе на 755 стр.).

Майоръ передаетъ рассказы Куровонова о дочери Кулькова:

(къ стр. 756-й, строка 15-я сверху)

Ни аза въ глаза не знаетъ,
Книгу въ руки забираетъ
Вверхъ ногами, какъ подашь,
И по всякой: «Отче нашъ»,
«Богородицу» читаетъ,
По складамъ не жди конца;
Блещетъ тятинькой—отца;
Словомъ, словомъ просто дура,
На невѣсть карриатура.
Будто онъ поклонъ, да вонъ,
Несмотря на миллионъ.
Видишь, партією такою
Онъ разсорится съ роднею,
Что родные все князья,
Говорить: и самъ-то я
Былъ пажемъ, и по талантамъ
И наукамъ—первый былъ.
Вѣрно-бъ въ гвардіи служилъ,

Быль-бы флигель-адъютантомъ,
 Если-бы ротный командиръ
 Не придрался, и мундиръ
 Быль ужъ шить преображенской;
 Мужичина деревенской
 Самъ курить,—а намъ курить
 Ведумалъ строго запретить;
 Ну, конечно нагубили,
 Мы почти ужъ сами были
 Офицеры; и за тѣмъ
 Намъ надѣли ляжки всѣмъ».

И въ полку намъ безъ того-бы
 Не имѣть его особы;
 И давно-бы онъ вышелъ вонъ,
 Да въ полку хорошій тонъ,
 Безъ него, пиши пропало,
 Насъ ему вишь жалко стало,
 Да полковнику притомъ:
 Чуть его день на очахъ нѣтъ,
 Съ муженькомъ отъ скуки чахнетъ.
 А иначе-жъ, почему-жъ
 Такъ къ нему придрчивъ мужъ?
 Службу вѣдь онъ твердо знаетъ,
 И полковникъ распекаетъ
 За жену—не за уставъ;
 И что онъ всегда былъ правъ,
 Несмотря, что разъ въ недѣлю
 Вѣрно онъ свою постелю
 На гауптвахту посылалъ,
 Словомъ, столько онъ болталъ,
 Лгалъ по поводу Кульковыхъ....

(См. далѣе на стр. 756).

Между тѣмъ въ другое время, когда Курозвоновъ хотѣлъ жениться на Кульковой, то онъ же, какъ рассказываетъ Майоръ:

(въ стр. 756, строка 1-я снизу)

А напротивъ, иногда
 Говорилъ, что «не бѣда
 Человѣку борода;
 И за что-жъ ее поносить,
 Вѣдь ее французы-жъ носятъ,
 И что въ царствѣ, наконецъ,
 Дѣло первое—купецъ;
 Будь вѣкъ миръ—солдату не нуженъ,
 Честенъ людъ—судья досуженъ,
 Некого судѣ судить,
 Некого солдату бить,

А покушать всякъ попросить
И одежду тоже носить;
Гдѣ взять все? у купца!
Видно, видно шельмеца.

(См. далѣе на 747 стр., строка 2-я сверху).

Рѣшившись жениться на Кульковой, Майоръ, какъ извѣстно, даетъ подробное наставленіе деньщику своему Сидорычу,—что именно говорить свахѣ Поливарповнѣ. Будущій женихъ щедро высчитываетъ всё свои достоинства и, между прочимъ, деньщикъ долженъ передать свахѣ, что относительно солдатъ баринъ его—Майоръ:

(къ стр. 748, строка 25-я снизу):

Онъ не бьетъ ихъ и не мучитъ;
Что и самъ я, молъ, пока
Въ жизнь не слышалъ <дурака>.
Хоть подъ глѣвымъ глазомъ сине
У тебя, да самъ, разиня,
Напросился на кулакъ;—
Ты сапогъ мнѣ подалъ какъ?
Ну, ужъ этимъ разомъ баста—
Помиримся. Только глазъ-то
Чѣмъ-нибудь натри, закрась,
Въ лазаретъ зайди, за мазь
Въ счетъ поставь мнѣ пятьалтынникъ.
Да и весь-то точно блинникъ...

(См. на стр. 757).

Приказавъ Сидорычу подстричься и поприодѣться, Майоръ продолжаетъ:

(къ стр. 757-я, строка 14-я сверху)

..... И явился
Къ свахѣ будто на парадъ—
Еще тутъ важнѣе братья!
Надо лгать, а такъ ведѣтся,
Что смѣлѣе франтомъ вѣрится,
И скорѣе вѣрять всё... Да,
Сколько хочешь лги тогда,
Что, молъ, просто баринъ славный.
А ужъ къ службѣ какъ исправный,
Чуть про службу спорный толкъ,
Самъ полковникъ, дѣлный полкъ
Смотришь тутъ, къ намъ за совѣтомъ

(См. далѣе на 757 стр.).

Продолжая влагать въ уста Сидорыча похвалы самого себя, Майоръ продолжаетъ:

Въ обхожденіи ласковъ, простъ,
Аккуратенъ, держитъ постъ;

Бѣдныхъ любить, богомоленъ;
 Не бывалъ ни разу боленъ,
 Какъ бывають иногда
 Всѣ другіе господа.
 Даже имъ самъ царь доволенъ,
 И что, кажется, его,
 Господина моего,
 Царь къ себѣ въ министры прочить,—
 Это цѣлый полкъ пророчить.

(См. далѣе на 748 стр., строка 17-я снизу).

Майоръ приказываетъ далѣе сплести свахѣ, будто на него уже зарится одна княжна и хочетъ выдти за него замужъ:

(въ стр. 748, строка 14-я снизу)

Да вишь баринъ-то не хочетъ.
 Къ намъ ужъ сваху засылаеть,
 Вишь ужасно влюблена
 Въ барина. Да пусть страдаетъ!
 Баринъ свисни, такъ княжѣнъ
 Налетить со всѣхъ сторонъ,
 Выбрай себѣ люблю;—
 Да не хочеть! Нѣтъ, ужъ онъ
 Выбралъ сердцу дорогую.
 Съ годъ, молъ, день и ночь ему
 Все вертится на уму
 Дочь какого-то Кулькова.

(См. далѣе на 748 стр., строка 10-я снизу).

Замѣтка объ академикѣ Витбергѣ.

(Изъ письма Н. В. Берга).

..... „Съ большимъ любопытствомъ прочиталъ я въ „Русской Старинѣ“ записки Витберга, человека довольно близкаго моему семейству. Онъ былъ даже моимъ крестнымъ отцемъ. Отецъ мой былъ назначенъ строительной комиссiи храма Христа-Спасителя, бывъ назначенъ въ эту должность Витбергомъ, какъ извѣстный ему по своимъ строгимъ правиламъ и честности. Комиссiя эта, сколько мнѣ помнится по рассказамъ отца моего и матери, помѣщалась въ Москвѣ, на Варваркѣ, въ домѣ Назонова; послѣ, кажется, этотъ домъ перешелъ во владѣнiе Гурлянды. Тутъ я и родился. При „переборкѣ“, какъ мнѣ говорилъ отецъ, не пострадали только двое: онъ да Руничъ, вслѣдствiе дружескихъ отношенiй моего отца съ Витбергомъ.

По семейнымъ нашимъ преданiямъ о Витбергѣ: онъ былъ человекъ очень талантливый, можетъ генiальный, но гордый и заносчивый. Поэтому, что ни день наживалъ себѣ новыхъ враговъ. Въ комиссiи (построенiя храма, кажется) онъ велѣлъ поставить круглый столъ, чтобъ нельзя было ясно обозначить мѣсто предсѣдателя, которымъ онъ считалъ себя, а никого другого, хотя „de jure“ и не былъ имъ. Слышалъ я еще о какихъ-то столкновенiяхъ его съ Филаретомъ, митрополитомъ московскимъ. Впрочемъ, столкновенiямъ вообще не было конца. Бури подымались то-и-дѣло. Утишалъ ихъ обыкновенно государь, переговоривъ съ Витбергомъ. Витбергъ имѣлъ на государя огромное влiенiе. Государь считалъ его генiемъ, передъ которымъ должны были смиряться обыкновенные смертные. При чинѣ надворнаго совѣтника слѣдовалъ владимiрскiй крестъ. Кажется и чинъ надворнаго совѣтника данъ былъ съ тѣмъ, чтобы имѣть возможность дать владимiрскiй крестъ. Это произвело тогда шумъ и крики.

Витбергъ въ дѣлѣ стройки запутался какъ поэтъ, неумѣвшiй вести никакихъ счетовъ, полагавшiй, что это не нужно, что это совершится какъ-нибудь, само-собою. Онъ давалъ записки карандашемъ, которыя равнялись высочайшимъ повелѣнiямъ. Никто не смѣлъ ослушаться. А иные, можетъ быть ужъ черезъ-чуръ слушались, со своими особыми видами. Въ общемъ вышелъ хаосъ, мутная вода, гдѣ было привольно ловить рыбу тѣмъ, кто привыкъ этимъ заниматься. Витбергъ оказался виноватымъ, будучи человекомъ рѣдкой, высокой честности, который, конечно, не посмелъ никогда ни на одну казенную (да и ни на какую) копѣйку. Его честность стѣбитъ такого же монумента, какъ его генiальность.

„Всѣхъ, даже и расположенныхъ къ Витбергу, ужасаль размѣръ храма: 25 сажень въ диаметръ купола! Верста между крайними обелисками, или столбами! Это повторялось безпрестанно. Но отецъ мой говаривалъ, что все это нелѣпо и странно казалось до бесѣды съ Витбергомъ, а какъ онъ начиналъ объяснять—все становилось яснымъ и возможнымъ, какъ постройка простой избы.

„Витбергъ, по характеру и пріязниту поэзии, не ладилъ съ прозой жизни, не умѣлъ бороться съ препятствіями, былъ плохой дипломатъ, сердился, отчего нѣтъ прямыхъ и разчищенныхъ дорогъ тамъ, гдѣ онъ были ему нужны. Не будь у самого государя поэтической жилки, дѣло и не началось бы...“

Я полагаю, что кое-какія подробности объ его жизни, арестъ и прочемъ, можетъ сообщить мать Аполлона Николаевича Майкова. Сколько мнѣ помнится, Витбергъ былъ близокъ и съ ихъ семействомъ (Гусятниковыхъ). Бабушка А. Н. Майкова, по матери, Наталья Ивановна Гусятникова, была моею крестною матерью. Моя мать выгадала на картахъ отцу Майкова, тогда красивому гусару, — благополучный исходъ его ухаживания за теперешней его женою, сказавъ прямо мѣсяцъ, когда будетъ свадьба. Онъ обѣщавъ написать съ матери моей портретъ, если предсказаніе ея исполнится. Предсказаніе исполнилось въ точности, портретъ былъ написанъ и сохраняется въ нашемъ семействѣ.....

Федоръ Сергѣевичъ Чернышевъ.

1805—1869.

Въ юньской книгѣ „Русской Старины“ 1872 г. (т. V, стр. 967—980), напечатана „Солдатская сказка“ соч. Ө. С. Чернышева. Вотъ нѣсколько данныхъ къ его біографіи, извлеченныхъ изъ формулярнаго о службѣ его списка и исправляющихъ двѣ-три ошибки. Авторъ „Сказки“ изъ дворянъ Калужской губерніи; род. въ 1805 г. Воспитывался въ пажескомъ корпусѣ (1815—1824 гг.) и выпущенъ изъ камеръ-пажей прапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи преображенскій полкъ въ 1824 г. Въ числѣ прочихъ офицеровъ, дѣйствовавшихъ противъ декабристовъ, получилъ высочайшую признательность и въ 1826 г. 500 руб. награды, а съ 1832 г. „негласнаго пособія по 1500 руб. въ годъ, доколѣ остаются будетъ въ гвардіи“. Въ 1838 г. Чернышевъ уже капитанъ и въ томъ же году сдѣланъ флигель-адъютантомъ; вскорѣ получилъ 675 руб. награды; все это было скоро послѣ написанія имъ „Солдатской сказки“, о чемъ, разумѣется, не сказано въ формулярѣ; но въ этотъ документъ занесена слѣдующая награда: „За сочиненіе солдатской пѣсни по случаю бородинскаго сбора войскъ

всемилостивѣйше пожалованъ брилліантовый перстень въ 2 т. руб. ассигнаціями въ 1839 г.“ и въ томъ же году пожалованъ орденомъ св. Владимира 4-й степ. Въ 1843 г. Чернышевъ окончилъ фронтową службу въ чинѣ полковника и съ 1848 г. продолжалъ ее, послѣ пятилѣтняго безсрочнаго отпуска, въ званіи члена разныхъ комитетовъ объ улучшеніи ружей, а также въ командировкахъ по осмотру резервныхъ и запасныхъ баталіоновъ, по производству наборовъ рекрутъ, а съ 1853 г. по формированію запасныхъ полковъ, бригадъ и дивизій.

10-го апрѣля 1858 г. Ө. С. Чернышевъ назначенъ предсѣдателемъ „комиссіи, учрежденной въ Петербургѣ для словеснаго разбирательства по просьбамъ и искамъ, не облеченнымъ въ законную форму“. Въ 1861 году произведенъ въ генераль-лейтенанты, а 21-го декабря 1867 года уволенъ въ отставку съ пенсією въ 2 т. рублей. Годъ смерти намъ точно неизвѣстенъ, кажется 1869 г.

Въ продолженіе военной службы Ө. С. Чернышевъ участвовалъ въ польской кампаніи 1831 г. и при осадѣ Севастополя, гдѣ находился при бомбардированіи 24-го августа. Имѣлъ ордена: св. Анны 1-й ст., св. Станислава 1-й ст., св. Владимира 3-й ст. и св. Георгія за XXV лѣтъ.

Стихотвореніе М. А. Максимовича.

Нижеслѣдующее неизданное стихотвореніе патриарха современной отечественной словесности — М. А. Максимовича, получено изъ Кіева отъ С. И. Пономарева, при посредствѣ Н. П. Барсукова.

Ред.

Что-бъ за жизнь была безъ пѣсенъ,
 Безъ поэзіи святой!
 Мірѣ просторный былъ бы тѣсенъ
 И печаленъ трудъ земной....
 Пѣсня—даръ небесъ великій
 Намъ на жизненныхъ путяхъ,
 Пѣсней — ангельскіе лики
 Славятъ Бога въ небесахъ.